

потребительски-материального, коммерчески-популярного. Пушкин известен — она должна отдать ему дань. Но — не более, чем сапогам от Пеля и фракам от Руча. Мы уже не говорим о том, что «счастливец-гений», «первый наш поэт» и сравнения Пушкина с Наполеоном (№ 77, 1833) отдают фамильярностью, лакейским вызовом, попыткой стать с великим на одну ногу. Ты гений, как бы говорит «Пчела», но ты наш гений, и мы признаем тебя, хвалим и поощряем. «Несколько а не к д о т ц е в (здесь и далее разрядка моя.— И. З.), — пишет рецензент о „Повестях Белкина“, — ...рассказанных весьма приятно, языком правильным и слогом живым... Прочтешь точно так, как съешь конфет — и забыл!» (№ 287, 1831). «Мило», «гладко», «плавно», похлопывает «Пчела» Пушкина по плечу за те же повести в 1834 г. (№ 192).

Это отношение к Пушкину — не только отношение официальной идеологии (и самого Булгарина) к личности Пушкина, но и к духовным ценностям вообще, к той цене величия и красоты, которые составляют идеал высокого искусства.

Что же после этого удивляться, что подписчик «Пчелы» Поприщин принял за стихи Пушкина «гладкие» стишки Николаева, которые тоже милы, приятны, живы и проч. Он мерил их меркою своего духовного наставника.

Чтобы закончить эту тему, приведем образец поэзии, которой «Северная пчела», стихов почти не печатавшая, предоставляла свои страницы. Это стихи Михаила Максимова, воспевавшего то тезоименитство Государя, то Новый год.

Да здравствует, на многи лета
Наш царь для счастья наших дней!..
(6 дек. 1832 г.)

...Наша матушка-Россия
Новым счастьем пусть цветет!
На поля пускай родные
Плодородья дождь сойдет.
Голосистое веселье
Пусть в селениях живет.
Пусть встречают там в похмелье
С новым счастьем Новый год!..

(2 янв. 1833 г.)

Итак, комплекс счастья достаточно обозначен. Он вполне совпадает с первоначальным представлением Поприщина об идеале. Гоголевский герой с завистью смотрит на своего начальника отделения, на котором фрак от Руча и «сапоги по тридцати рублей». Он и сам бы хотел так одеваться и ездить в карете от Иохима. Он завидует «зеркалам и фарфорам» директорской квартиры. Платок, надушенный дорогими духами, для него — сладостнейший эфир, а шум платья генеральской дочки — высшая музыка. Втайне, как и герой Булгарина, он надеется, что он вовсе не титулярный советник, а «какой-нибудь граф». «Ведь сколько примеров по истории, — рассуждает он, — какой-нибудь простой... и в д р у г (разрядка моя.— И. З.) открывается, что он какой-нибудь вельможа или барон...». Заходя в мечтах еще дальше, он уже видит себя генералом с голубой лентой и эполетой на левом плече. По подсчетам той же «Северной пчелы»⁸, для того, чтобы достичь генеральского чина, нужно мирно служить сорок лет. Поприщин же не хочет ждать. Уже на этом этапе — этапе, соответствующем комплексу героя Булгарина, — в его голове зарождается идея скачка, который отрицает булгаринскую ситуацию. Амбиция Поприщина, его максимализм противоречат ей. «Да разве я

⁸ «Северная пчела», 1834, № 152.